

Глава 1

К единственному единству жизни и культуры

Философские предпосылки

В сохранившейся рукописи КФП Бахтин начинает свою работу с указания на «принципиальный раскол» между миром жизни и миром культуры. Для Бахтина область жизни обозначает мир единственного, неповторимого, непосредственно переживаемого бытия конкретного субъекта, а область культуры — это мир объективного единства, которое достигается с помощью объективации акта единственного бытия и вследствие этого обретает смысловое содержание. Согласно Бахтину, в близкие ему эпохи эти два мира противостоят друг другу и обнаруживают взаимонепроницаемость: «Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны; в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни, но нет единого и единственного плана, где оба лика взаимно себя определяли бы по отношению к одному-единственному единству» (КФП, 12).

Подобная неслиянность двух миров теснейшим образом сопряжена с кризисом современной Бахтину философии и бесперспективным состоянием гуманитарной науки. Как уже отмечали многие исследователи, противостоящие друг другу две области, описанные Бахтиным, аналогичны кон-

фликтному отношению между традицией классического рационализма и неклассической, модернистской парадигмой XX века⁶². Классический рационализм Нового времени подчеркивает всеобщность истины, которая существует независимо от индивидуального субъекта. С точки зрения объективности он отрицает место конкретного человека и конкретной ситуации, в результате этого истина рационализма обладает безличной абстрактностью и обнаруживает авторитарный монолизм. Здесь господствует только мир пустого единства.

В отличие от этого недогматическое видение мира, соответствуя пафосу романтизма, подчеркивает неповторимую уникальную единственность и продуктивность субъективной стороны и считает самым важным моментом самовыражение субъекта. Но при этом подчеркивание индивидуальности доводится до предела и приводит к полностью обособленному от других самосознанию, и поэтому его также можно рассматривать как монолизм, но другого рода.

Таким образом, указание Бахтина на противостояние между миром единственности и миром единства не что иное, как противостояние между действительным бытием и культурной реальностью, между конкретным поступком и его продуктом, между субъективным (личностным) началом и объективным началом (внеличностным), разрешению которого была посвящена практически вся история философии.

Тогда каким же способом Бахтин собирается преодолеть этот принципиальный разрыв двух миров? Каков его собственный философский проект? По мнению Бахтина, для преодоления раскола между двумя мирами необходимо обрести «едино-единственный план», в котором область единой культуры и область единственной жизни могут приобщаться друг к другу и создавать «единственное единство».

⁶² См.: *Махлин В. Л.* Что такое диалогизм? С. 113; *Каган М. С.* Указ. соч. С. 23–24; *Богатырева Е. А.* Указ. соч. С. 15–19.

В связи с этим Бахтин определяет свою «первую философию как учение о едино-единственном бытии-событии», в плоскости которого может упраздниться противоречие между двумя мирами, и выделяет ее из всех предшествующих попыток построить первичную философию на основе абстрактной культурной ценности. Еще более важным является то, что Бахтин находит путь к такому единственному единству не в другом месте, а в самой единственной личности и ее поступке. По его мнению, «наука, искусство и жизнь — обретают единство *только в личности*, которая приобщает их к своему единству»⁶³, и «только изнутри действительного поступка <...> есть подход и к единому и единственному бытию в его конкретной действительности, только на него может ориентироваться первая философия» (КФП, 32).

Иначе говоря, в единственном единстве, которое преодолевает дурную неслиянность двух миров, центральное место занимает конкретный человек как уникальная личность, и из этого единственного субъекта проистекает возможность примирения двух миров. При этом здесь чрезвычайно важную роль играет категория «ответственности».

Как уже отмечалось, момент, который может связать культуру и жизнь, находится в самой личности, но эта связь может быть внешней. По мнению Бахтина, то, что гарантирует внутреннюю связь и не разрешает ей стать механической, присутствует в категории «ответственности». Более того, она тесно связана с его понятием «не-алиби в бытии». На этом вопросе следует остановиться подробнее.

В философии Бахтина человек, занимающий центральное место в единственном единстве события бытия, выступает не как абстрактная фигура, а как конкретное лицо, существующее в единственном месте и времени. Он живет своей жизнью, которую никто не может заменить. По выражению Бахтина, «в данной единственной точке, в которой я

⁶³ Искусство и ответственность. С. 7. Эта работа была написана раньше, чем КФП, и считается аннотацией нравственной философии Бахтина.

теперь нахожусь, никто другой в единственном времени и единственном пространстве единственного бытия не находится» (КФП, 41). И эта «единственность наличного бытия» есть не что иное, как «факт моего не-алиби в бытии» (КФП, 41). Поэтому можно сказать, что в философии Бахтина «нет человека вообще, есть я, есть определенный конкретный другой: мой близкий, мой современник <...> прошлое и будущее действительных людей» (КФП, 47) и каждый человек обладает своей единственностью. Подобная моя единственность и мое не-алиби в бытии вызывают различие между переживанием себя и переживанием другого. То, что я вижу с моего единственного места, не совпадает с тем, что видит другой со своего единственного места. Бахтин считает такую разнозначность онтологической основой существования человечества, и она тесно сопряжена с сущностью архитектоники действительного мира поступка.

Согласно Бахтину эта архитектоника имеет три общих момента: *я-для-себя*, *другой-для-меня* и *я-для-другого*, и все ценности и отношения жизни и культуры упорядочиваются вокруг этих архитектурных точек (КФП, 52). И эти три момента тесно связаны с описанной выше двуплановостью или разнозначностью переживания себя и другого. Иначе говоря, суть архитектоники мира поступка заключается в том, что видение и переживание себя и другого принципиально различны, поэтому *я-для-себя*, *другой-для-меня* и *я-для-другого* ценностно выглядят по-разному и «весь содержательно-единый мир, соотнесенный со мной или с другим, проникнут совершенно иным эмоционально-волевым тоном, по-разному ценностно значим в своем самом живом, самом существенном смысле» (КФП, 67). Таким образом, понятие «другой» впервые вводится в теорию Бахтина для того, чтобы показать «принципиальную онтологическую разнозначность моей единственной единственности и единственности всякого другого (то есть не-я. — М. Е.)» (КФП, 66). Бахтин определяет подобное различие видения между я и другим как «ценностное противопоставление я и другого» (КФП, 67).